

За билетами на концерт, который должен был давать Владимир Спиваков вместе с академическим симфоническим оркестром Ленинградской филармонии, отмечались за несколько дней. По логике вещей концерт должен был быть отменен, так как в это время Спиваков находился в курортном городке в швейцарских Альпах, отрезанном ураганом от мира. В воздух не соглашались подняться даже военные летчики. Но Спиваков категорически отказывался от намеченного там выступления, пока ему не будет обеспечен вылет в Ленинград. Его взялся вывезти только спасательный вертолет. Свой первый концерт в новом для себя качестве народного артиста СССР — это звание В. Спивакову было присвоено буквально накануне — он посвятил тем, кому только предстоит пройти путь к признанию. Гонорар за выступление Спиваков перевел в Советский фонд культуры на счет международной благотворительной программы «Новые имена».

— Слово «благотворительность» стремительно вошло в наш обиход. Порой оно мелькает даже излишне часто. Вероятно, и здесь своя мода. Что побуждает вас, достигшего славы и званий, отдавать столько сил благотворительным заботам?

— Гениальный педагог Генрих Густавович Нейгауз как-то сказал: «Мы не в состоянии создать талант, но создать почву для его произрастания и развития мы можем».

Конечно, проще ждать и надеяться, что талант, как трава сквозь асфальт, пробьется сам. Но я все думаю, сколько же талантов так и не проросло, не заколосилось.

В свое время я предлагал создать при Госконцерте художественный совет, который помогал бы молодым музыкантам, организовывал бы выступления, гастроли. Это предложение было незамедлительно отвергнуто. У Госконцерта была своя монополия, и он вовсе не собирался ею поступиться. За границу ездили одни и те же. А молодые люди, лауреаты международных конкурсов, были лишены возможности расти, лишены концертных площадок. Лауреаты были подобны искусственным спутникам — запущенные в космос, сгорали в плотных слоях атмосферы.

— В свое время часто цитировались слова Л. И. Брежнева: «Талант — это редкость». Мысль не очень дерзкая, но неоспоримая. Редкость во все времена — и в застойные, и в нынешние, перестроечные. Но, кажется, талантливым людям худо было всегда — тогда и теперь. Говорить о создании всех необходимых условий для выращивания дарований по меньшей мере рановато.

Как я понимаю, вы не слишком-то уповаете на то, что государственные учреждения могут и сегодня, сейчас, реально помочь молодым талантам?

— Многие государственные структуры у нас насковозь пронизаны системой клановости. Я с этим сталкивался не один раз. Когда мне пришлось решать вопросы с Госконцертом, чувствовалось, что там проводят не государственную политику, хотя и прикрываются таким лозунгом, а поддерживают «своих», отстаивают «свои» интересы.

Считаю, что человек, творческая личность, должен иметь условия действовать сейчас в рамках своих возможностей. На фестивале в Кольмаре мы дали специальный концерт, «Трибуна молодых», куда пригласили

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО...

известных артистов, в частности, учеников Центральной музыкальной школы.

В счет программы «Новые имена» мы с оркестром «Виртуозы Москвы» дадим концерт и в соборе Святого Марка в Венеции нынешним летом. Кстати, концерт в этом соборе — редчайший прецедент. Пришлось испрашивать специальное разрешение католической церкви, которое мы получили при условии, что будет звучать исключительно духовная музыка.

Каждая такая акция в фонд «Новых имен» — это не просто формальный сбор денег для их поддержки, хотя и это, конечно, необходимо, но и способ привлечь других людей делать то же самое. Главное показать, что можно помогать не только «своим».

— Вы вошли в попечительский совет программы «Новые имена». Как, по вашему мнению, он должен строить свою работу?

— Всех программ программа «Новые имена», конечно же, не решит; но помочь конкретным людям мы сможем. Не только музыкантам, но и художникам, архитекторам, молодым ученым — всем, кто будет определять завтрашний день нашей культуры.

Предвижу, что попечительскому совету придется заботиться не только о творческом становлении молодых талантов — заниматься организацией стажировок, выплатой стипендий, проведением конкурсов, но и решать чисто бытовые проблемы.

В свое время я просил помочь талантливым музыкантам получить квартиру, в частности Станиславу Бунину — ему просто нигде было заниматься. Сейчас он живет в Японии. Как знать, если бы ему тогда помогли, быть может, совесть не позволила бы ему уехать навсегда.

Чувствуется, что в обществе есть сейчас настроение поддерживать таланты, накапливать этот золотой запас. И мы обрели уже немало союзников. Это не только Советский фонд мира, который с самого начала принял в программе деятельное участие, в том числе и финансовое, но и такие организации, как «Аэрофлот», «Интурист». Меценатствовать в нашем об-

ществе может позволить себе далеко не каждый гражданин, но вот многие организации, предприятия готовы, хотя бы помочь. Я убежден, что закон о культуре должен непременно содержать положение, по которому благотворительная деятельность освобождается бы от налогов. Это практика, проверенная десятилетиями во всем мире. Рано или поздно мы к ней придем, так лучше раньше.

По счастью, традиция благотворительности на Руси не перевелась — так быстро, так охотно возвращается она в нашу жизнь. Всего лишь два с небольшим года назад мы засиживались до утра у Иветты Николаевны Вороновой, нынешнего председателя совета по благотворительной деятельности СФК, обсуждая первый наш

благотворительный концерт «Премьера премьер».

Я пришел в Фонд культуры сразу же, как только он был создан, потому что увидел там возможность некоторой свободы действий и, в общем, не ошибся. Никогда не встречал там таких чиновных барьеров, как в Министерстве культуры.

Я не говорю о сегодняшнем Министерстве культуры, которое возглавил замечательный человек Николай Николаевич Губенко. От него исходит энергия добра. Тем не менее министерство остается министерством, и Губенко придется работать в заданной системе координат. Уверен, что он сделает все, что от него зависит, но насколько его порыв будет поддержан, это вопрос.

— Значит, вы не ждете каких-то кардинальных изменений в деятельности Министерства культуры?

— Жду, конечно. Но для того чтобы они были, нужно радикально изменить аппарат. Да, пришел Губенко. Назначен новый заместитель министра Андрей Андреевич Золотов, человек чрезвычайно интеллигентный. Но вопрос не решается сменой первых лиц. Среднее звено, «истеблишмент», который все определяет, остается неизменным. А это, как правило, неудачники от искусства, продвинувшиеся на комсомольской и партийной работе.

— Но, согласитесь, было бы достаточно привлекать талантливых артистов, музыкантов и художников к канцелярской работе.

— Это, конечно, не нужно. Но необходимо установить предел компетенции чиновника. Возложить на него функции исполнителя, а «законотворческое» право передать независимому общественному совету по примеру того, который создан при программе «Новые имена». Думаю, такая практика пригодилась бы во многих областях нашей жизни, а в сфере культуры в первую очередь.

Какой бы выдающейся личностью Губенко ни был, какой бы энергичней он ни обладал, один он эту козную систему не осилит. Мне и так все время хочется ему сказать: «Вы не ви-

новаты, Николай Николаевич, в том, что происходит с культурой».

— И все же какие-то позитивные изменения в культуре за последние годы вы наблюдаете?

— На поверхности — да. Но коренных изменений не произошло. Пока мы лишь усердно проклинаям прошлое и как-то убаюкали себя этими проклятиями, будто сами по себе они могут что-то исправить. Система-то остается прежней. И беды — прежние.

Педагоги бегут, многие уже убежали. Талантливые музыканты ищут возможность заключить контракты на Западе. Музыканты даже из очень хороших оркестров предпочитают работу в весьма средних коллективах где-нибудь в скандинавских странах, в

небольших провинциальных городишках.

Недавно ко мне обратился один дирижер, не буду называть его фамилию, сказал, что никому здесь не нужен. Это ощущение «нужности» разрушалось всеми институтами культуры, и в первую очередь Министерством культуры и Госконцертом. При переходе на хозрасчет все филармонии стали предпочитать эстрадные ансамбли. Классика никому не нужна, многие остались без работы, даже народные артисты.

— Картина достаточно безрадостная, хотя, вероятно, точная. Но можно ли сделать на те пресловутые полтора процента в бюджете, которые отпущены на культуру?

— Я бы взглянул на эти полтора процента с другой стороны. Не только оттого так плохо с культурой, что на нее выделяют полтора процента, а потому выделяют полтора процента, что у тех, кто принимает решения, культурный уровень невысок. И я не очень-то верю, что нынешний парламент может сильно изменить ситуацию, хотя некоторые депутаты и стараются решить эти вопросы, но их меньшинство. И не то, чтобы остальные против, а просто не понимают приоритетности культуры. Сколько сил уходит на разбор последствий национальных конфликтов, а ведь истоки их также и в низком уровне культуры.

У нас, к сожалению, мало таких людей, как Дмитрий Сергеевич Лихачев, Сергей Сергеевич Аверинцев. Как говорил герой Ильфа и Петрова, это люди из раннего времени. Их уже мало осталось. И я боюсь, что они исчезнут скоро совсем.

Возникает вопрос, что же делать? Во-первых, как мне кажется, надо не на словах, а на деле поднять роль интеллигенции, престиж творческого труда. У нас есть опыт проведения подобных широкомасштабных кампаний по куда менее достойным поводам.

Потребуются, конечно, некоторая смена ориентиров. У нас ведь даже немного гордятся тем, что квалифицированный рабочий получает больше, чем музыкант с консерваторским образованием. Это психология нищеты.

Труд должен оцениваться так, как он оценивается во всем мире, — пропорционально его социальной значимости.

По всей вероятности, сегодня, когда едва удалось протолкнуть мизерную прибавку библиотекаря, эта идея не найдет много сторонников. Но те, у кого сейчас власть и кто понимает важность этой проблемы, должны пойти на волевое решение. Нельзя позволить очагу болезни разрастись. Не всем дано понять, к каким катастрофическим последствиям может привести падение культуры, но те, кто это осознает, должны взять на себя ответственность. Прежде даже бедные семьи все от себя отрывали, каждую копейку экономили, лишь бы дать детям образо-

ресов. Качество этих партнеров нередко весьма сомнительно, если не сказать больше.

Но, главное, надо дать возможность свободного въезда и выезда из страны, как это записано в Декларации прав человека: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну», «каждый человек имеет право... на справедливые и благоприятные условия труда».

Пока у нас нет этих справедливых и благоприятных условий для творческого труда, мы процесс отъезда артистов не остановим. Но если мы перестанем относиться к зарубежному контракту как к чему-то несовместимому с нашей моралью, у нас не будет таких безвозвратных потерь.

Другой выход — снова опустить железный занавес.

— Из тех, кто когда-то выехал из страны, мало кто проявляет желание вернуться. Как вы думаете, почему?

— Конечно, из устроенной жизни трудно вновь окунуться в дефицит, в бытовые неурядицы. Но главное, я думаю, не в этом. Пугает ощущение нестабильности.

С одной стороны, как говорил Пушкин, «Блажен кто посетил сей мир в его минуты роковые...», с другой, как говорил Монтень, «нет ничего более опасного, чем жить в так называемое интересное время».

Речь идет об атмосфере страха, прессинга, которая нагнетается часто совершенно излишне. Вспомните хотя бы, как накалялась атмосфера перед демонстрациями 25 февраля.

Центральное телевидение допускает весьма сомнительные выступления отдельных народных депутатов, которые способны посеять в душах людей смуту. Высокий чин из Министерства внутренних дел говорит: «Мы контролируем ситуацию». Значит, есть что контролировать? Иногда нас как будто нарочно заставляют жить в постоянной тревоге. А между тем одна из основных задач государства — поддерживать в обществе определенный градус уверенности, стабильности.

Я уже не говорю о том, что те, кому придет желание вернуться на Родину, вряд ли найдут здесь возможность для работы при нашем полном упадке концертной деятельности, отсутствии залов.

Помню, как в Перми после исполнения «Виртуозами» симфонии Шостаковича в зале раздался истинный крик: «Простите нас, дорогие друзья, что вам приходится выступать в этом ужасном зале».

Конечно, хочется верить, что придет время, и кто-то вернется. А пока надо быть бережнее к тем, кто пока с нами. И с молодыми, и с теми, чей взлет уже позади. Я говорю о тех, кто когда-то был славою нашего искусства, а теперь живет на очень небольшую пенсию. Это же национальный позор.

Надеюсь ли я, что мы сумеем восстановить утраченное? В глубине души, да — человеку свойственно надеяться. И все же закончить мне хочется горькими ахматовскими строками:

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.

И. СМЕРНОВА.